

КРАЙНЕЕ ЛЕТО

*Выйди на дорогу мне навстречу
в травяной и комариный вечер
и красивой, молодой хозяйкой
погляди из-под лагони вдаль.*

*Где-то, над люпинами, далече,
как мелькают голова, и плечи,
и моя белеющая майка,
ты увидишь — и уйдёт печаль.*

*Я к тебе на велике тихонько
подкачу, чуть шинами шурша, —
к дому, где у белых подоконников
сонные жуки в кустах жужжат...
Уходящий день струною тонкой
отзвучит за гачами в сторонке,
в синих кронах тени онемеют,
в сером небе звёзды загрожат...*

*Барбариса жёлтые соцветья
под калиткой выстелют пыльцой
коврик. И притихшим садом летним
ты меня проводишь на крыльцо.*

Глубину нагретых за день комнат
впережку с сумраком заполнит
аромат, густой и горьковатый,
кофе, что ты свариишь для двоих.
Разольются бархатные волны
от твоих босых шагов по полу,
унесут тревоги, и тогда-то
для тебя сложу я этот стих.
Ночь придёт, всё станет зыбким, странным;
вдоль дороги пыльные бурьяны,
старый велик около крыльца...
Звёзды. Под калиткою пыльца.

ЗЕРО

Мы засиделись допоздна
с одним приятелем-поэтом.
Провинциальная весна
из тьмы дышала тёплым ветром
в распахнутый проём окна,
сон навевая. Сбоку где-то,
над гаражами, за ветлой,
карабкался наверх сквозь крону
безбашенно и удало́
трёхглазый абрис Ориона,
и пыльной, звёздною золой
вниз осыпались крохи света.

Фасуя по стаканам брют,
приятель рассуждал пространно:
мол, невозможно, что несут
теперешние графоманы.
Хотя (смакуя колбасу,
он вдруг мягчел), коль трезво глянуть,
иные есть и ничего —
складнее прочих. Хоть не к ряду.

*И он читал из своего —
не графоманского — как надо.
Я слушал бережно его,
чтоб невнимательностью пьяной
поэта тонкое нутро
случайно не задеть, калеча.
А сам опять давал зарок
вперёд не быть таким беспечным
и с ним не пить.*

*Но тут в «зеро»
свернулись ночь, гараж и крона.
И только зыбким полусном,
тремя глазами Ориона
через открытое окно,
сквозь хоровод пространств и млечность
смотрела молча Бесконечность
на нас.
Ей было всё равно.*